

Мария Ахметова

«Желтая угроза» в представлениях современной прицерковной среды

Эсхатологические мотивы, отраженные в текстах современной прицерковной среды, сформировались на основе нескольких источников. На поверхностном уровне они отражают переживание массовым сознанием реалий современности. Собственно образы бедствий могут отражать коллективные страхи, в частности страх перед угрозой войны. Кроме того, они наследуют концепты собственно русской религиозной традиции. Например, идея «жидомасонского заговора» мало в чем изменилась по сравнению с представлениями прицерковной среды рубежа XIX–XX вв. Эти мотивы тесно связаны с общехристианской апокалиптической традицией, основанной как на святоотеческих толкованиях образов Апокалипсиса, так и на апокрифах. Наконец, они отражают универсальные мифологические представления, которые актуализируются в различных традициях в зависимости от культурной и национальной специфики. Представления о конце света существуют в тесном переплетении с другими мифологическими представлениями, мистикой и демонологией, со слухами и толками, околонучными концептами и литературными мотивами и т.д.

Мария Вячеславовна
АХМЕТОВА

Институт высших гуманитарных исследований РГГУ,
Москва

В современном прицерковном фольклоре и литературе находит отражение свойственный общехристианской традиции мотив предвещающего конец света нашествия иноземцев. Отрывок из Апокалипсиса, в котором перед вторым пришествием сатана собирает на брань «народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога» (Откр.: 20.7), традиционно интерпретировался в отношении враждебных племен. Так, в Византии в качестве подобных «эсхатологических народов» рассматривали славян, арабов и турок, в средневековой Руси — половцев, хазар, авар, татаро-монголов, позднее — поляков, литовцев и турок [Громов 2003; Карпов 2002: 4–5, 9]. И в настоящее время на Севере России бытуют устные рассказы об опустошительном нашествии «литвы», которое в одних вариантах описывается как уже произошедшее, а в других включается в круг эсхатологических обрядов [Маслинский 2000].

В современных прицерковных текстах «эсхатологическим народом» становятся китайцы. Концепт китайского нашествия является прежде всего наследием конца XIX — начала XX вв. В эпоху «дальневосточной политики» призрак «желтой опасности» («желтой угрозы») — грядущее восстание Азии, способной духовно, а затем и военным путем покорить христианский мир, — становится «наиболее обсуждаемой проблемой отечественной публицистики» [Межуев 1999]. В указанный период нашествие с Востока — мотив скорее международный, чем собственно русский — находит также широкое отражение в художественной литературе (см. краткий обзор литературы в [Кошелев 2000]), приобретая поистине апокалиптическую окраску в «Краткой повести об антихристе» В. Соловьева, где завоевание азиатами Европы происходит непосредственно перед воцарением антихриста.

В этот период слухи о близящейся войне с китайцами распространяются и в крестьянской среде. В «Этнографическом обозрении» за 1901 г. приводится следующая интерпретация видения: «Придут китайцы, жителей повьрежут, города и селения пожгут» [Иванов 1901: 134]. Появляются собственно эсхатологические мотивы, связанные с Китаем: согласно широко распространенному поверью, антихрист явится, когда «*весь мир заворует и Китай забунтует*» [Новичкова 1995: 24]; таким образом, Китай встраивается в сценарий апокалиптической катастрофы. Наконец, в народных представлениях начала XX в. Китай становится убежищем и местом исхода антихриста вместо Западной Европы, откуда антихриста ожидали ранее [Там же].

Ожидание войны с Китаем резко актуализируется в конце 1960-х, когда ухудшаются отношения СССР и КНР, предъявившей СССР территориальные претензии, и в особенности после военного столкновения на советско-китайской границе в 1969 г. Новый всплеск ожидания войны происходит в конце 1970-х

[Паламарчук 1993: 28]. Угроза войны, остро переживаемая массовым сознанием, породила многочисленные слухи (по воспоминанию современника: «Говорили, что предсказано, там, жёлтые пойдут. Пророчество такое было. Ну, тогда люди говорили, что война, жёлтая раса, были предсказания») (1). В то же время китайцы становятся персонажами пародийных текстов (ср. анекдоты о завоевании СССР Китаем, переделки известных песен («Лица желтые над городом кружатся» — якобы песня о китайских десантниках) и т.д.).

Наконец, миграции китайцев в Сибирь и на Дальний Восток в конце XX — начале XXI вв. воспринимаются массовым сознанием, в особенности жителями этих регионов, как реальная угроза китайской экспансии, и даже трактуются таким образом отдельными публицистами и политологами.

Нельзя также отрицать влияние на эсхатологический образ китайцев общеизвестного со школьной скамьи представления об их численности («каждый пятый человек в мире — китаец»). Численность китайцев постоянно обыгрывается в анекдотах, в том числе в тех, где китайцы вызывают всемирный голод (научившись есть вилками вместо палочек) и даже конец света (когда они одновременно спрыгивают с табуреток и устраивают землетрясение, дышат перегаром после всеобщего праздника, придумывают клонирование, получают каждый по таблетке «виагры» и т.д.).

В качестве материалов для данной статьи была использована литература о предсказаниях прозорливых старцев, входящая в круг чтения прицерковной среды, а также устные рассказы, записанные в крупнейшем центре православного паломничества — с. Дивеево Нижегородской области летом 2002 и 2003 гг.¹ Прицерковная (прихрамовая) среда — религиозная субкультура, сформировавшаяся в начале XX в. и на протяжении советской эпохи существовавшая практически подпольно [Тарабукина 2000]. С начала 1990-х годов, в период массового подъема религиозности в постперестроечной России, начинается активная фаза существования этой субкультуры, и к настоящему моменту она представляет собой довольно неоднородное образование. С одной стороны, она включает в себя часть православного священства, монашества и прихожан. С другой стороны, с начала 1990-х (наиболее интенсивным этот процесс стал с середины 1990-х) в ее недрах формируются многочисленные братства и общественные организации, прежде всего националистического, монархического и антиглобалистского направления, со своими изданиями и/или веб-сайтами. Эти движения, которые находят множество сочувствующих, политологи относят к

¹ Полные данные об информантах не приводятся по соображениям конфиденциальности произведенных записей.

сфере «*православного фундаментализма*» [Верховский 2003]. Перечислить все организации и издания в рамках данной статьи не представляется возможным, назову лишь некоторые — Православное Опричное Братство (альманах «Опричнина»), Православное Братство во имя Царя-искупителя Николая II (альманах «Жизнь вечная»), телепрограмма и журнал «Русский дом», журнал «Сербский крест» К. Гордеева, веб-сайт «Стояние за Истину» Л. Сергиевского, издательское общество «Благословение». Эти группы могут объединяться или находиться в конфронтации друг с другом; их отношение к Московской Патриархии варьируется от лояльности до неприятия; они характеризуются разной степенью политизированности.

Все это может показаться свидетельством известной доли абстрактности такого конструкта, как «*прицерковная среда*», которая, таким образом, оказывается объединением множества мелких групп с не всегда совпадающей идеологией. Более того, идеология и самосознание представителей некоторых из этих групп позволяет говорить о них как о своего рода субкультурах, зарождающихся внутри субкультуры (так, лидер одной из организаций предлагает своим последователям называть себя не православными, а «*монархистами, царскими людьми*»). Однако в целом представителей среды объединяет общее, хотя и несколько противоречивое видение мира, проникнутое «*мистицизмом, который основывается на православном эзотерическом учении*», общие идеалы и культурные символы [Тарабукина 2000]. Идеологические разногласия пока не мешают представителям среды разговаривать на одном языке и принимать исходящую из разных источников информацию.

Китайское нашествие — мотив, известный значительной части информантов. В одних случаях он принимает форму слухов, в других — разворачивается в изобилующий подробностями нарратив. При рассказе информанты ссылаются как на абстрактный источник («*говорят, будет война*»), так и на предсказания почитаемых в прицерковной среде святых и старцев: Иоанна Кронштадтского, Григория Распутина, Серафима Вырицкого, Серафима Тяпочкина, схимонахини Нилы, Пелагии Рязанской и т.д. Действительно, в издаваемых с начала 1990-х гг. книгах этим подвижникам приписывается предсказание войны с китайцами или завоевания Китаем России перед кончиной мира. Не последнюю роль в осмыслении этого мотива играет деятельность В.П. Кузнецова — главного редактора альманаха «Жизнь вечная» и идеолога Православного Братства во имя Царя-искупителя Николая II. Собирая различные пророчества, Кузнецов выстраивает на их основе довольно оптимистическую картину эсхатологического будущего, в которой русский царь побеждает антихриста. Благодаря активной издательской и проповеднической деятельности Братства число людей, в той или иной мере разделяющих его идеологию, постоянно растет.

В целом китайское нашествие может описываться как частное проявление Третьей мировой войны. Нередко оно является первым событием в череде кровопролитных войн, в результате которых выбирается единый мировой правитель — антихрист. Согласно наиболее распространенной версии, китайцы захватывают территорию России до Урала (по одному из текстов, дальше Урала китайцев не пустит молитвенное заступничество расстрелянного в Екатеринбурге Николая II [ПДЗП]). Называются различные локусы, дальше которых китайцы не идут, по крайней мере, с целью завоевания — Екатеринбург [ПДЗП], Челябинск [Наставления 2003], р. Тобол (2). В отдельных случаях одновременно с китайцами действуют другие «эсхатологические народы» — Кубань забирают турки, Дальний Восток — японцы, в западных областях хозяйничают немцы, в Карелии — финны. По малоизвестному тексту, приписываемому старцам Санаксарского монастыря, Китай, США и Европа развязывают атомную войну, пытаясь поделить между собой территорию России [ПДЗП].

У носителей «китайской легенды» существует две версии того, как китайцы завоюют Россию до Урала. Согласно одной, отраженной преимущественно в устных текстах, из Китая двинется вооруженная армия. Согласно другой, завоевание будет бескровным. Старцам приписываются следующие предсказания: *«Китайцы <...> станут переселяться в Россию, жениться на русских и в конце концов хитростью и коварством возьмут территорию Сибири до Урала»* [Старец Серафим 1996: 56]; *«Самой большой трагедией станет захват Сибири Китаем. Произойдет это не военным путем: китайцы, вследствие ослабления власти и открытых границ, станут массами переселяться в Сибирь, скупать недвижимость, предприятия, квартиры <...> Всё произойдет так, что в одно утро русские люди, живущие в Сибири, проснутся в Китайском государстве»* [Пророчества 2003].

В контексте предсказанного завоевания воспринимаются миграции китайцев в Сибирь и на Дальний Восток. Информанты, отвечая на наш вопрос, завоюет ли Китай Россию, часто подтверждают истинность пророчества рассказом о ситуации на Дальнем Востоке. *«Один из Хабаровска вчера приехал, один брат. <...> И я: “Как китайцы?” — “Ну, там их в Хабаровске, ну, почти миллионный город, половина китайцы, уже половина <...>”. Ну, короче, говорят, их в Москве уже, говорят, двести пятьдесят тысяч. <...> Как Серафим Вырицкий пишет, и проснётся русский мужик утром, а он уже не хозяин. Есть предсказание, я там был, я сам всё видел, [я] из Владивостока»* (3). Здесь пересказывается цитировавшееся выше пророчество, которое, впрочем, традиция приписывает другому Серафиму — Тяпочкину.

Другая информантка от упоминания пророчества о китайском нашествии переходит к рассказу о личном общении с китайцем: *«Я сюда ехала с китайцем в купе. Причем китаец очень не-*

плохо говорит по-русски. Я говорю: “А где вы русский язык так хорошо выучили?” Ну, оказывается, это мурло учил русский язык как раз в тот момент, когда, в Китае учил, когда российско-китайские отношения были очень напряженные, и учил как язык врага. Вот едет такой: “Как у вас много земли!” А тут же есть, красота ведь вокруг, поля, леса вот <...> “Как у вас много земли! А у нас одни люди. Люди, люди, люди. А у вас...” А нам Господь дал» (4). Нарратив призван подтвердить известное всем собеседникам пророчество, и, несмотря на то, что информантка не проговаривает вывода напрямую, сам тон текста представляет рядового китайца, встретившегося информантке, как потенциального захватчика, претендующего на территорию, дарованную русскому народу свыше.

Китайцы-завоеватели описываются как безличная масса; о них всегда говорится во множественном числе. Информанты называют огромные цифры, означающие численность китайского войска: «*по три миллиона они воевать ходят*» (5), «*двестимиллионная армия пойдет*» (3), «*щас миллиард пойдет сюда*» (2). Информантка В. утверждала, что о китайском нашествии сказано в Откровении Иоанна Богослова, где китайцы иносказательно изображаются в виде саранчи (5).

Обсуждая ужасы китайского нашествия, информанты говорят о страшных пытках, применении китайцами бактериологического и психотропного оружия. Китайцы уничтожают русское население поголовно, например вырезают весь Красноярский край, а в Иркутске устраивают такую резню, что даже Богородица не выдерживает и топит город (3). После войны с китайцами в мире остается всего лишь треть населения (6) (впрочем, в данном случае используется мотив, характерный для текстов, описывающих Третью мировую войну вообще). Эта жестокость, как правило, ничем не мотивирована, лишь в одном тексте китайцы выступают как гонители христиан (старец предсказывает своей духовной дочери «*мученическую кончину от руки китайцев на стадионе <...>, куда они сгонят жителей-христиан и несогласных с их правлением*») [Наставления 2003].

Между тем мы не можем полностью согласиться с тем, что китайцам в эсхатологических представлениях отдается роль врагов, «сатанинского воинства» [см. Тарабукина 2000]. Эта ниша для «церковных людей» оказывается прочно занятой евреями. Будучи язычниками, китайцы, конечно, служат сатане, но это служение редко описывается как сознательное, в отличие от «демонопоклонничества» евреев. Если китайцы и сравниваются с евреями, последние всегда изображаются в более мрачных тонах. Автор прицерковной брошюры пишет: «*У врага много служителей <...>, но чада у него только одни, и это не китайцы и не папуасы*»; и далее о мусульманстве, на место которого, следуя логике текста, можно поставить любую восточную религию: «*Чисто жидовское избрание, способ объединения и организации темных азиатов с целью*

натравить их на Христианское Царство» [Православие 1993: 4, 13]. Таким же образом — как оружие в руках масонства — представители некоторых православных националистических организаций рассматривают ваххабизм [Верховский 2003: 46].

В ряде текстов китайцев на Россию натравливает Америка, являющаяся, по представлениям прицерковной среды, центром масонства, «жидовским государством», где заседает тайное мировое правительство. Именно этими планами В.П. Кузнецов объясняет следующую экономическую ситуацию (вопрос о том, насколько она соответствует действительности, остается за скобками): *«Сейчас вся Америка завалена китайскими товарами на 80 процентов. Но деньгами расчет не производится. Америка рассчитывается с китайцами только оружием. Это все знают. Сейчас у китайцев оружия столько, сколько ни одно государство не имеет»* [ПДЗП]. По мнению информанта С., *«Америка <...> хочет разбить Россию руками китайских солдат, жида же своими руками никогда»* (7).

Поскольку «темные азиаты» оказываются лишь жертвой евреев, существует перспектива их обращения. Показательно, что мотив обращения перед концом света части иудеев, отраженный в патристике, не находит в рассматриваемой субкультуре широкого распространения. Популяризация идеи обращения китайцев в последние годы — прежде всего заслуга Братства во имя Царя-искупителя Николая II. В идеологии Братства поворотным моментом в развитии апокалиптических событий является следующее: китайцы-завоеватели доходят до Урала, где им является архангел Михаил и приказывает принять православие, что они и делают. Китайцы обращаются в православие поголовно: по пророчествам, *«весь Китай будет читать псалтирь и молиться Богу»* [Микита 1998: 29], *«быстро все в реки, покрестятся и вперед <...>. Полтора миллиарда»* (2). В некоторых текстах, впрочем, китайцы принимают крещение в России без вмешательства небесных сил.

В этом случае Россия выполняет свое миссионерское предназначение. По мнению В.П. Кузнецова, *«Господь избрал Россию, чтобы проповедовать Евангелие всем народам <...>. И последний такой народ на земле, который никогда не имел никакой религии, — это китайцы. Потому что буддизм — это философское учение»* [ПДЗП]. В этой цитате содержится также идея некой эсхатологической завершенности: в новозаветном тексте Христос говорит, что Его второе пришествие произойдет, когда Евангелие будет проповедано всему миру, в традиционных эсхатологических представлениях перед концом света происходит тотальное исчисление: измерение всей земли, восполнение числа ангелов и т.д. [см.: Белоусов 1991: 32].

Следует отметить, что даже идея Китая, просвещенного светом Евангелия, как своего рода Четвертого Рима — преемника гбнущей России, миссию которой он берет на себя, — не нова для

православной мысли (не говоря уже о мечте о христианском Китае). В конце XIX в. митрополит Иннокентий Московский писал, что, возможно, недостойная Россия передаст светоч православия китайцам; в 1920-е гг. митрополит Вениамин (Федченков) предполагал: «*Может быть, еще китайцы, индусы, японцы дадут миру и Печерские Лавры, и новых Антониев и Феодосиев, и Сергиев, и Серафимов <...> Ну, может быть, кончается Россия <...>, а, умирая, родит восток христианский?*» [Вениамин 1998: 42]. В конце 1990-х ряд деятелей РПЦ высказывает мысль, что следует вести миссионерскую работу среди китайцев, на случай, если Сибирь все-таки отойдет Китаю [Изучайте китайский язык 2003], а диакон А. Кураев прямо говорит о возможности для Китая стать Четвертым Римом [Кураев 1999: 334–335].

В рассматриваемых текстах китайцы не становятся избранным народом вместо русского. Однако информанты могут проводить аналогию между грядущим обращением китайцев и произошедшим некогда обращением императора Константина и крещением Руси (2), что опосредованно отсылает ко Второму (Византия) и Третьему (Россия) Риму. А священник Г., несомненно, знакомый с пророчеством об обращении китайцев и их дальнейшей миссии, заявляет: «*Китайцы — это мы. На Китай-городе стоим*» (8) (около станции метро «Китай-город» в Москве собираются представители маргинальных православных течений монархического и националистического направления. — М.А.).

У крестившихся китайцев появляется особая миссия — очищение России от враждебных сил. С тем же рвением, как они раньше убивали всех подряд (и даже христиан), они идут бить врагов православия — «*коммуняк и демократов*» (2), «*жидов*» и «*жидовствующих*» (7). Согласно нарративам последователей В.П. Кузнецова, убивая «жидовствующих» русских, китайцы предотвращают участие истинных православных в «*братоубийственной войне*», избавляя их от необходимости «*убивать своих братьев*» (7). В то же время, «*избавляя от жидов*» Россию, захватчики тем самым помогают в установлении власти последнего русского царя, ожидаемого в будущем (2). Принятие китайцами православия имеет решающее значение в апокалиптической борьбе темных и светлых сил: благодаря численности китайцев православный мир мгновенно получает перевес, чем приводит в ужас противоположную сторону — Америку [ПДЗП].

Приняв крещение, китайцы приобретают свойства едва ли не ангельские. Даже их прежнее язычество оказывается фактором, с одной стороны, противопоставляющим их евреям, с другой — благоприятствующим их обращению: «*А они-то люди очень, такие, богострастные такие, боятся Бога. <...> Они же язычники*» (2). На китайцев «*сходит благодать Святого Духа*», и упомянутый в Апокалипсисе небесный огонь, пожирающий народы Гога и Магога, интерпретируется иносказательно как огонь Божией благодати (7). Информанты говорят о некой «харизме», видимо, цити-

руя текст, нам, к сожалению, неизвестный. Эта «харизма» заключается в особом типе ясновидения — только китайцы смогут отличить праведных от грешных: они будут видеть кресты, незримо начерченные ангелами на лбу истинно верующих, и истреблять тех, у кого этого креста не найдут. Иногда вместо ангелов верных помечает преподобный Серафим Саровский: *«В Библии об этом сказано. В книге Даниила. Сойдет ангел с неба, и будет летать, и искать всех своих, чтобы помазать их крестом. <...> Дак это там сказано про ангела какого? Ангел-то — Серафим. Вот он щас ходит по земле и всем своим кресты ставит. На лбу. Не на шее, чтобы обвешались все крестами. А это всё никого волновать не будет. Всё посыряют»* (2). Впрочем, информанты могут утверждать, что китайцы не тронут людей, имеющих крест даже на шее (3). В другом варианте ангелы помечают не лбы, а дома праведников [Тарабукина 2000]. Таким образом, китайцы не только действуют заодно с ангелами, но и в каком-то смысле сами выступают в функции грозных ангелов, восстанавливающих порядок и осуществляющих суд над теми, кто в результате апокалиптического разделения оказался с левой стороны. (В Апокалипсисе ангелы карают принявших *«начертание зверя»* (Откр.: 16.1–11), стоит вспомнить схожий мотив из ветхозаветной книги Исход).

Но даже обращенные китайцы остаются силой, потенциально враждебной и требующей предельной осторожности: *«А кто выступит, хоть раз стрельнет с пистолета, все будут убиты. Или с рогатки, там, кому в лоб попадут, всех сразу уничтожат»* (2). Наоборот, завоевателям следует оказывать доброжелательный прием: *«Когда китайцы придут, ты услышишь об этом, то сразу открываешь двери: «Заходите. Можно даже покушать, накопить сил и вперед»* (2).

В целом, среди эсхатологических представлений нашествие китайцев — безличной, бессловесной человеческой массы, не оставляющей за собой ничего живого, — выполняет те же функции, что стихийные бедствия и техногенные катастрофы. Во-первых, война с Китаем как частный случай бедствий служит признаком близящегося конца света. Во-вторых, она рассматривается как Божья кара за грехи мира: например, старец Владислав (Шумов) говорил, что нашествие китайцев и территориальные потери России — наказание *«за то, что от веры своей отреклись»* [Микита 1998: 9]. В-третьих, китайцы очищают мир (Россию) перед установлением царства Божия. С одной стороны, война с китайцами может восприниматься как *«очищение России»*, через которое Господь *«уберет всех немощных, которые не смогут устоять»* перед антихристом (6), с другой — китайцы избавляют Россию от врагов. Знамение, наказание и очищение — основные функции катастроф, предшествующих концу света.

Следует отметить, что мотив китайского нашествия в настоящее время наиболее отчетливо отражается преимущественно в пред-

ставлениях рассматриваемой религиозной субкультуры. Если он находит отражение в представлениях новых религиозных движений, это проявляется крайне опосредованно. Так, например, в проповедях архиепископа Иоанна Береславского, лидера Богородичного Центра, идея нашествия с Востока проявляется в духовном аспекте, как распространение в России «*окультурных и восточных учений*». В то же время Иоанн не исключает возможности обращения азиатов, ныне пребывающих во тьме, при этом они оказываются в выигрыше по сравнению с нечестивыми русскими: «*Индусы примут Христа <...> под действием чудесных знамений Святого Духа, а их адепты в России — ни с чем останутся*» [Береславский 1993: 102]. Кроме того, представители некоторых эзотерических субкультур предсказание завоевания Китаем России до Урала приписывают Нострадамусу [Курьлев 2003].

Мифологиям многих народов известно представление о силах хаоса, усмирённых или таящихся, но освобождающихся в конце времен (в скандинавской мифологии это Локи, олицетворяющий водную стихию, змей и другие хтонические чудовища; в мифологии алтайских тюрков — Эрлик и т.д.). Со временем чудовища и божества трансформируются в неизвестные/вымышленные народы. (Авторы русских летописей XII—XIII вв. говорят о неких нечестивых языческих племенах, которые заключены Александром Македонским в скалу и перед концом света должны выйти наружу [Громов 2003]. Данный мотив нашел отражение и в мусульманской раннесредневековой традиции [Карпов 2002: 9]). Могут они трансформироваться и в исторические — враждебные — народы. Упомянутое в начале статьи представление об «эсхатологических народах» свойственно не только христианской традиции — в поздней Авесте, например, среди бедствий, предшествующих воцарению мессии, предрекается нашествие «*нечестивых арабов*» [Рак 1998: 305–306].

В целом неконкретность образа, чудовищная разрушительность, сходство со стихией так или иначе присущи «эсхатологическим народам» в народных представлениях, в частности, «литва» ассоциируется с водным хаосом («*литва всё зальет*») [Маслинский 2000: 5]. Однако эти народы, в отличие от китайцев, вредоносны всегда. Обращение китайцев является привнесением героического мотива в круг эсхатологических образов и выполняет функцию своего рода приручения хаоса, освоения мира.

Источники

Микита Г. Старец Владислав. Орел, 1998.

Наставления и пророчества старца Владислава (01.10. 1996 г.) с. Обухово Солнечногорского р-на. Листовка, распространялась представителями Православного Братства во имя Царя-Искупителя Николая II летом 2003 г. при Свято-Троице-Серафимо-Дивеевском монастыре.

[ПДЗП] Последняя дважды закрытая передача. Аудиозапись последнего выпуска авторской передачи Ж.В. Бичевской «Живой родник». Не позднее 2000 г. Распространяется представителями Православного Братства во имя Царя-искупителя Николая II.

Православие, государство и предантихристовая эпоха. Киев, 1993.

Пророчества старца Серафима (Тяпочкина). С. Ракитное Белгородской обл. Листовка, распространялась представителями Православного Братства во имя Царя-Искупителя Николая II летом 2003 г. при Свято-Троице-Серафимо-Дивеевском монастыре.

Старец иеросхимонах Серафим Вырицкий. М., 1996.

Информанты

- 1 — Панкова Римма Васильевна, 1939 г.р., из Москвы, образование высшее; записано в 2003 г. в Москве.
- 2 — А., муж., около 50 лет, из Москвы; записано в августе 2003 г. в с. Дивеево Нижегородской обл.
- 3 — А., муж., 45 лет, из Владивостока; образование среднее специальное, записано в августе 2003 г. в с. Дивеево Нижегородской обл.
- 4 — Е., жен., около 50 лет, из Мурманска; образование высшее, записано в августе 2002 г. в с. Дивеево Нижегородской обл.
- 5 — В., жен., около 70 лет, из с. Дивеево Нижегородской обл.; записано в августе 2002 г. в с. Дивеево Нижегородской обл.
- 6 — Аноним, жен., около 60 лет; записано в августе 2003 г. в с. Дивеево Нижегородской обл.
- 7 — С., муж., около 35 лет, из Москвы; записано в августе 2002 г. в с. Дивеево Нижегородской обл.
- 8 — Г., муж., около 45 лет, священник, из с. Никифоровка Владимирской обл.; записано в декабре 2002 г. в Москве.

Библиография

- Белюсов А.Ф.* Последние времена // AEQUINOX. Сборник памяти о. А. Меня. М., 1991. С. 9–33.
- [*Береславский*] Арх. Иоанн (Береславский). Дыхание живой веры. М., 1993.
- [*Вениамин*] Митрополит Вениамин (Федченков). О кончине мира. М., 1998.
- Верховский А.М.* Политическое православие: Русские православные националисты и фундаменталисты, 1995–2001 гг. М., 2003.
- Громов Д.В.* Образ «эсхатологического народа» в восточнославянских повериях XI–XXI веков (В печати. На правах рукописи).

- Иванов П.* Толки народа об урожае, войне и чуме // Этнографическое обозрение. 1901. № 3. С. 133–134.
- Изучайте...* китайский язык // Сибирская православная газета. 2003. № 8. Цит. по: <http://www.ihtus.ru/m8.shtml>.
- Карпов А.Ю.* Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в конце XI – начале XII века // Отечественная история. 2002. № 2. С. 3–15.
- Кошелев А.* Реванш «желтый» // Алфавит. 2000. 30 авг. № 35 (93).
- [*Кураев*] Диакон А. Кураев. О нашем поражении. СПб., 1999.
- Курyleв А.* Пророчества Нострадамуса в зеркале социально-политических проблем XX века. Цит. по: <http://kurilev.narod.ru/nost/XX.htm>.
- Маслинский К.А.* Литва — она все зальет // Живая старина 2000. № 3. С. 5–9.
- Межуев Б.В.* Моделирование понятия «национальный интерес» (На примере дальневосточной политики России конца XIX – начала XX века) // Полис. 1999. № 1. С. 26–39. Цит. по: <http://www.politstudies.ru/fulltext/1999/1/4.htm>.
- Новичкова Т. А.* Русский демонологический словарь. СПб., 1995.
- Паламарчук П.* Хроники смутного времени. М., 1993.
- Рак И.В.* Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.; М., 1998.
- Тарабукина А.В.* Фольклор и культура прицерковного круга: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. Цит. по: http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Tarabukina/arina_tarabukina.html.